



Ирина ФОМЕНКОВА

ПОКА НЕ ПОЗДНО

Из цикла «Память и беспамятство»

Нередко к пониманию жизни приходишь через осмысление творчества классиков литературы.

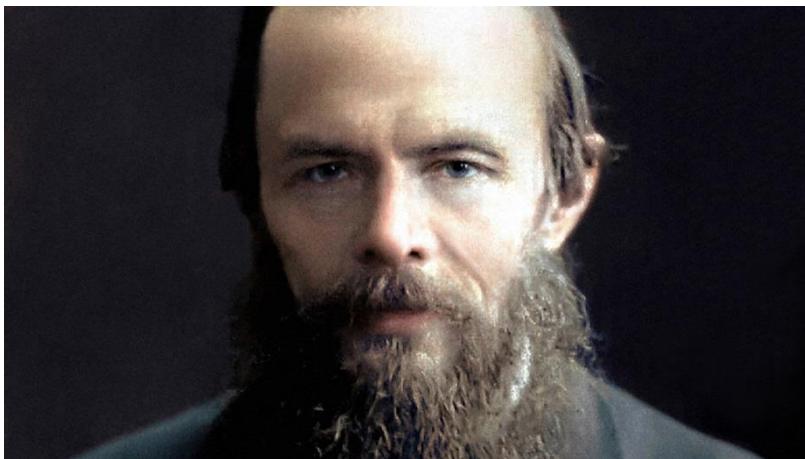
Как-то российский писатель Ю. Ф. Карякин подписал договор с Театром на Таганке на инсценировку романа Фёдора Достоевского «Преступление и наказание». Но и театр, и автор ошиблись, меряя работу по Достоевскому тремя договорными месяцами. «Читаю – ничего не понимаю, заблудился!» – писал Ю. Карякин.

Он купил две книги «Преступление и наказание», «расшил» страницы и обклеил ими стены своей комнаты. Заперся и, переходя от листа к листу, от стенки к стенке, читал и вникал, ещё не подозревая, что его литературная деятельность на долгие годы окажется связанной с Достоевским. Его знаменитые лекции о творчестве классика были главным пособием для многих учителей, в том числе и для меня.

Первое моё знакомство с Достоевским произошло в школьные годы. «Преступления и наказания» я испугалась. Во-первых, из-за жуткого натурализма сцены убийства Раскольниковым старухи-процентщицы: мы в пятидесятые годы прошлого века не были приучены к кровавым картинам. Во-вторых, я не могла понять, что доказывает автор, так скрупулёзно и психологически глубоко описывая самобичевание убийцы. Нашему поколению было предельно ясно: за преступлением должно следовать наказание государством и осуждение обществом.

Прошло время. Помню, на одном из жарких диспутов в институте кто-то процитировал Пушкина: «Ты сам себе высший суд!» И я подумала тогда, что это убеждение созвучно с жизненной позицией Достоевского, заложенной в образ Раскольникова. В главном герое романа, по словам самого автора, живёт «стыд собственного мнения». Как только человек начинает стыдиться самого себя – своих мыслей, поступков, в сознании рождаются две крайности. Он и страдает от содеянного им, и усиленно ищет себе оправдание, уверяя себя в том, что содеянное нужно для спасения человечества. Словом, становится сам себе и прокурор, и адвокат.

Став учительницей, на уроках литературы по творчеству Достоевского я, в соответствии с программой и собственными убеждениями, доказывала, что никто не вправе лишать человека жизни, что любое преступление наказуемо. В одном из сочинений моих учеников я «споткнулась» о слова: «Нет в жизни лжи во спасение, но грех «во спасение» может быть!»



«Вот так и приходим к убеждению, что цель оправдывает средства», – с ужасом подумала я тогда, вспомнив институтские лекции о философии Ницше – того самого, которого любил Гитлер. То есть всегда есть «сверх-человеки», которые спасут мир, очищая его от «недочеловеков». Потом мы с моими старшеклассниками долго рассуждали над этим вопросом. А что делать, если тебя ударили, унизили? Если грозит опасность твоей жизни? Как защитить свою честь? «Не переступая закона!» – высказывались одни. «Не переступая в себе человека!» – говорили другие.

«Как легко и умно можно рассуждать в тишине урока. И как трудно сделать это частью своей жизни», – подумала я тогда.

Прошли годы. В «молотилке» перестроечных лет, в период развала Советского Союза ломались государства, экономика, людские судьбы, нравственные устои.

В одном из журналов я прочитала интервью известного актёра Кирилла Лаврова после выхода в свет фильма по роману Булгакова «Мастер и Маргарита». «Я теперь знаю, – сказал он, – проблема Понтия Пилата сидит в каждом из нас. У всех были моменты, за которые приходится раскаиваться всю жизнь».

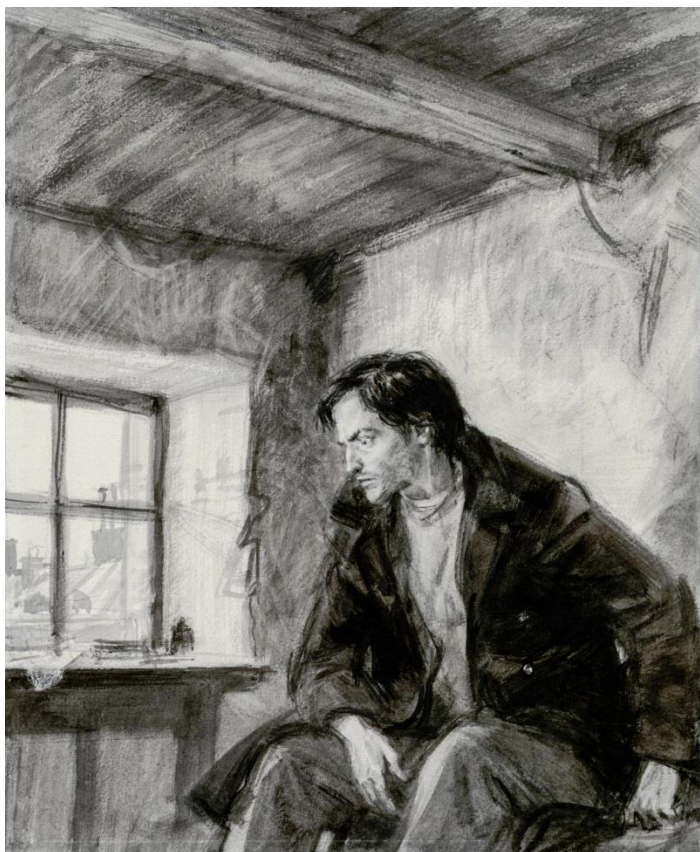
Получается, что если эти слова применить к Раскольникову, то можно сформулировать и так: «У каждого из нас в жизни была своя «старуха-процентщица». Не в прямом смысле. Но ведь кого-то мы убиваем словом, равнодушием, предательством. И сохранение в нас человеческого или разрушение зависят от того, как мы себя казним или какой теорией оправдываем, начиная с убеждения, что всё и все вокруг виноваты, только не я!..».

Достоевский любил слово «сострадание». Он был убеждён в том, что «повышать уровень образования в нашем Отечестве – значит повышать уровень сострадания». В слово «образование» он, конечно, вкладывал и такие понятия, как культура, самопознание, духовность. Между тем, и психологи утверждают, что сострадание ведёт к нравственной устойчивости к готовности противостоять проискам дьявольских сил.

Роман «Преступление и наказание» написан в 1866 году. В мировом масштабе произведение признано началом нового миропонимания, открытого литературой.

Достоевский в образе Раскольникова словно спрессовал время: от убийства одного человека до конца человечества. Пока нарушается библейская заповедь «Не убий!», спасения человечеству не будет. Писатель взял образ грешника, привёл его к раскаянию, но возрождения в нём человека не получилось!

Сегодня, когда пропаганда насилия, убийства, жестокости стала повседневной, не обратиться ли нам к великому писателю? Пока не поздно!



Раскольников. Художник Илья Глазунов



Ирина ФОМЕНКОВА. [Об авторе.](#)